

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОЧКЕ НЕВОЗВРАТА: ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ КАК «АНТИМЕТОД» В ИССЛЕДОВАНИИ МИГРАНТСКОГО СООБЩЕСТВА

Антон Садырин

Антон Садырин, факультет исторических и политических наук, Томский государственный университет. Адрес для переписки: ТГУ, пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия. sadyrin.1994@mail.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

Этические проблемы входят в число наиболее обсуждаемых среди антропологов. Однако подходы к исследовательской этике в России и странах Запада кардинально различаются. В России до сих пор не принят этический кодекс антрополога, в университетах отсутствуют комитеты по этике. На Западе по поводу этой темы ведут бурные дискуссии, одна из которых сводится к вопросу о том, насколько доверительными должны быть отношения между исследователем и информантом. В полевых заметках я размышляю о том, как метод включенного наблюдения влияет на выстраивание отношений между исследователем и участником исследования. Как антропологу выйти из поля максимально безболезненно для себя и, прежде всего, для информанта? Существует ли «мягкая» полевая антропология или же метод включенного наблюдения – это априори бестактное вмешательство в судьбы людей? Участие в проекте «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» позволило мне по-новому взглянуть на роль исследователя в процессе изучения такой группы населения, как мигранты.

Сбор информации посредством метода включенного наблюдения в совокупности с многочасовыми интервью постепенно стирают дихотомию «исследователь – исследуемый», где первый доминирует над вторым. В этом и есть основное преимущество метода. Однако нередко эта положительная сторона становится этическим тупиком для исследователя. Мигранты – это та категория горожан, которая, помимо социальной и экономической незащищенности, испытывает трудности, вызванные расставанием с родиной (здесь я имею в виду не только географический объект, но и «родную» повседневность – люди, вещи, эмоции). Недостаток всего этого ведет к поискам путей замещения части не испытываемых в России эмоций, которые участники исследования пытаются найти во мне, называя «другом», «братом» и делясь сокровенной для них информацией, не имеющей уже ничего общего собственно с проблематикой исследования.

Ключевые слова: миграция; мигранты; этика антропологического исследования; включенное наблюдение; трудовые мигранты

Полевая работа ученого насыщена этическими противоречиями, вызванными разными формами взаимодействия с информантами. Возникающие в ходе сбора полевого материала дилеммы заставляли и заставляют сообщество антропологов периодически обращаться к вопросам этики, регламентируя их в различных документах.

Первыми исследователями, заложившими основу для создания этической нормативной базы в этнографии, были американские ученые. Дискуссии в среде антропологов, касающиеся этических противоречий в полевой работе, постоянно возникали в связи с совместной деятельностью ученых, военных и разведки (Price 2000). Переломным моментом в такого рода сотрудничестве и решении вопросов этики ученого-антрополога стало принятие Комитетом по этике Американской антропологической ассоциации первого формального документа «Принципы профессиональной ответственности» в 1971 году¹. В кодексе сказано, что антропологи должны считать интересы тех, кого они изучают, приоритетными, а также отмечено, что тайные исследования являются неэтичными (Зависка 2006:170).

Начиная с 1970-х годов западные антропологи при работе в поле ориентировались не только на общечеловеческие нормы при взаимодействии с информантами, но и на правила, закрепленные в этом первом кодексе профессиональной этики. Новый подход позволил информантам стать частью антропологических исследований. Они превратились в сотрудников, коллег, активных участников и перестали быть лишь объектами исследования. Во многом это было вызвано и тем, что, по мнению антропологов, пол, класс, раса или этническая принадлежность априори формировали социально-экономическое неравенство (Hill 2000). В условиях новой этики изменились и задачи антропологии, в их число вошла помощь тем, кто находится в положении неравенства. Появились новые исследовательские перспективы: модель совместных исследований (*collaborative research model*), разработанная в 1978 году, культурное посредничество (*cultural brokerage*) 1976 года, феминистские исследования. В 1980-х годах в сборнике «Writing Culture» (Clifford and Marcus 1986) постмодернисты развили идеи «интерпретативной антропологии» Клиффорда Гирца, обозначив саморефлексию антропологов относительно этических противоречий через призму этнографического письма. В статье, написанной для сборника, Джеймс Клиффорд (Clifford 1986) показывает, что главенствующее ранее в этнографии «пасторальное» аллегорическое повествование, дающее этнографу право на интерпретацию чужих культур, лишенных письменности, в современном мире становится неактуально, так как само деление на «письменные» и «дописьменные» культуры больше невозможно. На смену должны прийти рефлексивные и диалогические формы этнографического письма.

Вновь появившиеся исследовательские перспективы и активная саморефлексия обернулись множеством дискуссий, продолжающихся по сей день и связанных с вопросами степени доверия и дружбы между исследователем и инфор-

¹ «Principles of Professional Responsibility», adopted by the Council of the American Anthropological Association, May 1971 (<https://www.americananthro.org/ParticipateAndAdvocate/Content.aspx?ItemNumber=1656>).

мантом. Часто предметом этих дискуссий является тезис об искренности антрополога. Джексон в своей статье об этнографической искренности (*ethnographic sincerity*) рассуждает о том, что антропологическая полевая работа должна быть основана не на достоверности/подлинности, которая превращает человека в объект, а на искренности, заставляющей сопереживать информанту (Jackson 2010). Элемент искренности в работе антрополога, на мой взгляд, выступает в роли катализатора, запускающего процесс установления дружеских отношений между исследователем и участниками исследования, что формирует, в свою очередь, этические противоречия в поле.

Советская этнография была элементом государственной власти и не задавалась вопросами, связанными с этикой полевых исследований (Шеффель 1993; Слезкин 2008). После распада Советского Союза этические вопросы в среде исследователей стали подниматься гораздо чаще. Темы, связанные с этикой, зарождались в исследованиях, посвященных изучению коренных малочисленных народов России. Именно в этом поле антропологи наиболее остро чувствовали свою ответственность перед судьбой людей и всячески пытались реабилитироваться в их глазах. Николай Вахтин (2002), приводя в пример свои исследования в Якутии, говорил о негативном влиянии советского этнографического прошлого, сказывающемся на отношениях постсоветских исследователей с информантами в этом регионе. Дмитрий Функ приводит примеры этических противоречий, возникавших в ходе его полевой работы в Горной Шории. В 1992 году он опубликовал статью, в которой подробно описал необычную технику плетения, которую ему передал шорец, являвшийся последним представителем этого навыка (Функ 1992). Рассказывая об этом случае студентам, исследователь задался вопросом: правильно ли он делал, пытаясь реконструировать почти забытое народное знание? Имел ли он право распоряжаться этими знаниями?

Постепенно вопросы, связанные с этическими дилеммами, возникающими перед исследователем в поле, начинают обсуждаться все чаще среди российских антропологов. В 2006 году вышел специальный номер журнала «Антропологический форум» («Форум: Этические проблемы полевых исследований» 2006), в котором анализируются этические вопросы, возникающие у ученых в ходе качественного исследования. Антропологи, принимавшие участие в дискуссии, делились своим полевым опытом работы с информантами. Сергей Абашин, вспоминая полевую работу в Таджикистане, подчеркивал, что исследователь невольно вовлекается в какое-то событие, финал которого совершенно непрогнозируем. В процессе этого события информанты могут манипулировать антропологом; участники исследования, таким образом, способны к эксплуатации ученого в личных целях (Абашин 2006:13). Дмитрий Арзютов, поднимая вопрос о вхождении в поле, рассуждает о том, что антрополог априори «травмирует» культуру своим «хамским» вмешательством (2006:18). В этом же номере обсуждались темы о создании «легенды» антрополога, об анонимизации собранных полевых данных, о возможности/невозможности использования диктофона, о правовой стороне этических норм в России.

Еще одной важной работой российских исследователей, анализирующих вопросы этики, стал сборник статей «Уйти, чтобы остаться: социолог в поле» (Воронков и Чикадзе 2009). Главной задачей авторов сборника был анализ тонкостей и трудностей работы «полевиков», а также ответственности перед участниками исследования. Основная идея всех статей состояла в том, что полевая работа – это работа людей с людьми, здесь без этических трудностей просто не обойтись, независимо от того, какое сообщество ты пытаешься изучить.

Помимо встреч на страницах журналов и сборников, российские исследователи обсуждают полевую этику и в рамках научных мероприятий. В 2017 году в Томске прошла конференция «Форум полевых интервьюеров», на которой российские исследователи делились опытом работы в своих полях (Ломакин 2017). Будучи участником этого мероприятия, именно тогда я задался вопросом о том, рассуждают ли российские коллеги-антропологи о полевой этике в области миграционных исследований. Вновь к этой теме я вернулся спустя год, когда стал заниматься исследованиями жизни мигрантов из Центральной Азии в городах России.

ЗАМЕТКИ О МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рост актуальности миграционных исследований ведет к росту публикаций по этой тематике. Академическое сообщество своими исследовательскими работами часто пытается защитить мигрантов от «злого» государства, бюрократического и полицейского произвола, донести до российского общества, что мигранты – это благо. При этом ученые забывают самих себя – тех, кто непосредственно вторгается в жизнь мигранта, оставляя за собой шлейф возможных культурных и социальных изменений после проведенной полевой работы. Иначе говоря, исследователи порой так сильно хотят защитить мигрантов от внешнего мира, что забывают защитить их от самих себя. «Не доминирует ли среди нас наивно-романтическая точка зрения о всеобщем благе науки, в том числе в миграционных исследованиях?» (Абашин 2006:10).

Ситуация, в которой мигранту предоставляется право голоса, необходима сегодняшним исследованиям. Во-первых, проводимые миграционные исследования оказывают различную помощь мигрантам – незащищенной группе населения. Вслед за Мелиндой МакКормик (McCormick 2012) я считаю, что приезжие из Центральной Азии мигранты находятся в уязвимой позиции. Это вызвано многими факторами, среди которых доминируют государственная политика России, слабо защищающая эту группу населения; алармитская риторика СМИ по отношению к приезжему, формирующая образ усредненного мигранта (Деминцева и Пешкова 2014); дискриминация трудовых мигрантов как со стороны различных институтов, так и рядовых представителей принимающего общества. Во-вторых, исследовательская рефлексия, обращенная к этой группе, позволяет «озвучить» и политизировать частную жизнь мигрантов, «дать им голос», так как механизм угнетения и неравенства встроен в их повседневный опыт. Однако здесь и обнаруживается то, что расширение сотрудничества с участниками исследования скорее непреднаме-

ренно порождает следующие этические дилеммы: 1) чувство разочарования (как для участника исследования, так и для исследователя) от, возможно, неразрешенной проблемы, несостоявшейся помощи, разрушения выстроенных ранее доверительных отношений и другого; 2) потенциальная эксплуатация участника исследования (исследователи, которые стремятся к выгоде от тесных взаимоотношений, должны учитывать риски внезапного прекращения отношений и того, что участники будут чувствовать себя непонятыми или преданными) (Kirsch 2005).

Хелен Сэмпсон, Майкл Блур и Бен Финчэм (Sampson, Bloor, and Fincham 2008) изучали исследователей, использующих в работе качественные методы, и обнаружили, что такие исследования имеют потенциально высокий риск для здоровья и благополучия ученых. Во многом это связано с проблемой выхода из поля, в результате которого тесная связь с участниками исследования постепенно теряется, что ставит антрополога в позицию «должника». Схожая этическая дилемма возникла в моем полевом исследовании. На мой взгляд, крайне важна рефлексия исследователя по отношению к своему полю. Это позволяет взвешивать все «за» и «против» при решении этических вопросов (Здравомыслова и Темкина 2014:87). В связи с этим я считаю важным описание своего опыта в контексте этических противоречий при работе с такой группой, как мигранты.

ЗАМЕТКИ ОБ ЭТИКЕ В СОБСТВЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мое участие в проекте «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» позволило по-новому взглянуть на роль исследователя в процессе изучения трудовых мигрантов. Сбор информации посредством метода включенного наблюдения в совокупности с многочасовыми интервью постепенно стирает первоначально доминирующую дихотомию «исследователь – исследуемый». Собственно в этом и есть его основное преимущество. Однако нередко оно становится этическим тупиком для исследователя. В рамках проекта мне необходимо было собрать детальную информацию о жизни мигранта, начиная с причин и даты его переезда в Томск и заканчивая сведениями о номере детского сада, который посещает его ребенок. На мой взгляд, одного лишь интервью для столь кропотливой работы недостаточно, поэтому на помощь приходит метод включенного наблюдения, позволяющий какой-то период времени жить с мигрантами одной жизнью. Здесь и таится главная проблема – постепенное размывание границ, совмещение и переплетение ролей участников исследования. Геза Кирш (Kirsch 2005) и Мелинда МакКормик (McCormick 2012) предлагают в таком случае заранее устанавливать четкие границы, тщательно обдумывать свою роль в исследовании, напоминать участникам исследования о разнице их отношений в контексте исследования и дружбы. Помимо этого, многие участники исследования зачастую принимают интервью за психотерапевтический сеанс, что вновь подталкивает их к размыванию границ, когда они начинают делиться интимными деталями и переживаниями и сближаются с исследователем (Kirsch 2005).

Мое знакомство с полем началось еще до работы по проекту. Рядом с моим домом открылся овощной ларек, в котором продавцом работал молодой человек, выходец из Центральной Азии. Позже выяснилось, что продавец был узбеком из Узбекистана. Изначально я приходил в ларек в качестве покупателя, а наше общение сводилось к приветствию. Азиз (имя изменено) спрашивал у меня, понравился ли мне предыдущий товар, который я купил у него. Во время очередной покупки у меня при себе не оказалось наличных, тогда Азиз предложил перевести нужную сумму по номеру телефона, в ответной смс мне пришли данные Азиза для подтверждения правильности осуществляемого платежа. Я вслух произнес: «Азиз? Это имя мне знакомо, так зовут одного из моих товарищей». Азиз улыбнулся, спросил в ответ, как зовут меня.

После этого наше общение перешло на другой уровень: я стал задерживаться в его магазине, мы разговаривали о разных вещах. В это же время началось мое участие в проекте. Стоит отметить, что это два параллельно начавшихся, но не связанных между собой события. Мне было приятно общаться с Азизом.

По условиям проекта, мне необходимо было собрать определенное количество полуформализованных интервью с трудовыми мигрантами из Центральной Азии. Сразу было решено, что первым человеком будет Азиз. С входом в поле я стал постепенно рассказывать ему о себе: чем я занимаюсь, почему меня волнует тема миграции. В ларьке с Азизом я находился почти каждый день по часу или более на протяжении месяца: смотрел, как он торгует, разгружает товары, аккуратно выставляя их на прилавок, предварительно натерев какой-нибудь фрукт до зеркального блеска. Азиз был не против моего пребывания рядом с ним. Наоборот, в тот день, когда меня не было, он писал мне сообщение в мессенджере, интересуясь причиной, по которой я не пришел к нему в ларек. Со мной дни этого человека, как сам он говорил, шли быстрее, а скорость жизни приближала его к встрече с родными, которые остались в Узбекистане, так как поездку домой он мог позволить себе только один раз в год.

Со временем наши отношения стали весьма доверительными, лишь тогда я взял у Азиза то интервью на диктофон, которое необходимо было по условиям исследования. На мой взгляд, это интервью явилось переломной точкой в общении с Азизом, именно в ходе этой беседы он раскрылся с той стороны, которая раньше оставалась скрыта от меня. Я узнал многое о действительно нелегкой жизни этого человека, которому на момент интервью было 25 лет. Думаю, что и Азиз понимал это. Он раскрылся передо мной, уровень доверия между нами стал очень высок.

После этой беседы Азиз в переписке и беседах часто стал называть меня «брат», чуть реже – «друг». Мои личные наблюдения позволяют согласиться с тем, что в целом для мужской половины выходцев из Центральной Азии характерно при обращении называть знакомого человека «брат», однако в моем случае это произошло после длительного предварительного общения. Однако научные проекты зачастую требуют определенных количественных показателей, что также усложняет процесс установления связей в ходе включенного наблюдения. Мне требовалось собрать некоторое количество интервью, но при этом я понимал, что сознательно выбрал путь включенной работы, требующей значительных временных затрат.

В связи с этим вполне ожидаемо было то, что с Азизом мне придется встречаться гораздо реже – необходимо двигаться дальше, искать новые знакомства, новые поля. Для Азиза я уже успел стать «братом» и «другом». Я стал проводить исследование на продуктовом рынке, где торговали мигранты, стал вновь входить в чью-то жизнь. Но я продолжал общаться в Азизом: мы переписывались, он присылал фотографии своей семьи, строящегося дома в Узбекистане, ради которого он и работает в России, делился своими переживаниями и сюжетами из проходящей вокруг жизни, вновь и вновь интересуясь тем, почему наше общение сократилось. Меня не покидало чувство, что я использовал человека, а получив нужную информацию, не мог дать взамен того дружеского общения, к которому привык Азиз. Мне кажется, что возможным выходом из сложившейся ситуации могли стать рекомендации Кирш (Kirsch 2005) об изначальном установлении четких границ. Однако мое знакомство с Азизом произошло еще до начала самого исследования, в связи с чем в определенный момент развития наших отношений мы оказались в пограничной ситуации, где я не иначе как использовал Азиза: вряд ли близкие друзья сначала приходят с диктофоном, задают вам вопросы, а затем исчезают. Я почувствовал тот переломный момент, когда мы больше не могли общаться.

Стоит отметить, что стремление к дружбе – это желание участника исследования. В отношении себя я этого сказать не могу. У меня есть семья, коллеги, студенты, которым я уделяю значительное время в течение дня, недели. Однако есть и проект, обязывающий собирать качественный эмпирический материал, но не обязывающий заводить продолжительные отношения с участниками исследования. Хотя сам принцип антропологической работы заставляет нас быть искренними, честными, сопереживающими. Это дает возможность мигрантам, испытывающим дефицит друзей в принимающем обществе, внезапно обрести добродушного друга в лице исследователя.

Однажды Азиз позвонил мне и попросил помочь: необходимо было завести Instagram-аккаунт ларька, в котором он работал, чтобы рекламировать товар в социальных сетях. Проблема здесь заключалась не столько в самом процессе создания аккаунта, сколько в орфографически верном оформлении русского языка, подписями на котором сопровождаются посты о товаре. Я помог Азизу, аккаунт существует и развивается, а с мигрантом мы стали друзьями в социальной сети. После этого я стал чувствовать себя немного спокойнее. Мне кажется, это позволило сгладить острые углы выхода из поля как для меня, так и для информанта. Та ответственность «брата», которой меня наделил Азиз, стала осуществима посредством виртуализации наших отношений. Переход дружбы в социальные сети позволяет постепенно отказываться от того уровня общения, который изначально был установлен между антропологом и информантом. Это сработало в моем конкретном случае, что не гарантирует такого же результата для других исследователей.

Моим следующим информантом стал мигрант-торговец, которого зовут Шодмон (имя также изменено). Как и Азиз, Шодмон родом из Узбекистана. Моя траектория вхождения в это поле отличалась от той, что была описана выше. Знакомство с Шодмоном произошло через предварительное интервью. Он оказался активным собеседником, изначально был положительно настроен на общение.

Возможно, его воодушевил тот факт, что к нему за помощью обратился человек, связанный с наукой. Во время нашей беседы он всячески демонстрировал свои лучшие стороны: активно торговал, заводил диалоги с покупателями, говорил мне о том, что торговля – это его жизнь, что он вкладывает все силы и душу, чтобы успешно вести бизнес. В перерывах к нему подходили коллеги, и Шодмон с гордостью объявлял, что у него берут интервью исследователи из университета. После интервью я выключил диктофон, мы с Шодмоном обменялись номерами телефонов. Я спросил у него разрешение вернуться и понаблюдать за тем, как он работает, поговорить, но уже без диктофона. Шодмон согласился. Моя работа с ним продолжается до сих пор, однако, так же, как и с Азизом, возникали и возникают различного рода этические противоречия.

В один из дней я в очередной раз пришел к Шодмону на работу, предварительно не оповестив его о моем приходе. В наших взаимоотношениях сложилась именно такая тенденция – не предупреждать его, когда я прихожу, так как после моих предварительных звонков он обижался на эти предупреждения и просил придти «просто так, без предупреждения» (из полевого дневника автора, далее – ПДА). Но в этот раз уже с приветствия что-то пошло не так. Шодмон был растерян, разбит, я чувствовал, что мой приход поставил его в еще большее затруднение. Он молчал, лишь изредка односложно отвечая на мои вопросы, но мысленно находясь далеко от той повседневности, которая его окружала. Я обратил внимание, что в том месте, где он работает, происходила реорганизация торговых рядов – устанавливали металлоконструкции, обозначающие новые границы предпринимательских «точек». Я спросил у Шодмона, что происходит, а в ответ он заплакал. Я стал успокаивать его, одновременно пытаюсь выяснить, в чем причина его расстройства. Мне было неловко, я хотел было уйти, но Шодмон заговорил со мной:

Они сказали, что я здесь больше не работаю, теперь это место не мое, здесь будет аптека, площадь тут большая, у меня нет столько денег, чтобы платить им. Я недавно вернулся из Узбекистана, мы с мамой купили там большой дом, все деньги потратил, а они хотят, чтобы я платил за восемь квадратов, а не за два, как раньше. Перед тем, как уехать, я попросил своего знакомого помочь мне – поторговать за меня, но он кинул меня, потому что он те же товары продает, что и я. Он всегда все делает, как я, хотя старше меня. Я поставил лепешки – он сразу их начал продавать, я сделал вывеску – он опять повторил. Мне по телефону сказал, что ему запретили за меня торговать – обманул, такого не было. Но Аллах его наказал, у него теперь жена болеет, и отец болеет, он только к ним в больницу ходит, здесь почти не бывает. А меня теперь хотят перенести в плохое место, там никто не будет меня узнавать, уже все покупатели привыкли, что я здесь. Я не знаю, что мне делать. Администратор не хочет разговаривать со мной, потому что я плохо говорю по-русски, я тоже ее плохо понимаю. Она – баба, с ней плохо говорить, директор – мужик, мне с ним надо говорить, но он редко бывает (ПДА).

Только после того, как Шодмон закончил свой монолог, он перестал плакать и стал просить прощения у меня, так как посчитал, что обременил меня своими проблемами. Я тут же предложил ему вместе сходить к администратору и попытаться

получить новое место для торговли и обговорить стоимость аренды, так как неоднократно наблюдал, что представители администрации рынка, русскоязычные коллеги и некоторые клиенты, с которыми Шодмон пытался завести разговор, не хотят общаться с ним во многом из-за плохого знания русского языка. Шодмон согласился, попросил присмотреть за его лавкой соседку, и мы направились к администратору рынка. В администрации я представился, объяснил, кто я (в отношениях с Шодмоном), и попросил попытаться разрешить сложившуюся проблему. Администратор согласилась, мы втроем сели за стол и стали рассматривать схему рынка с целью определить то место, которое бы подходило моему участнику исследования. После непродолжительного обсуждения все закончилось благополучно. Шодмон получил место, которое его устраивало, а сумма аренды оставалась прежней.

Описанный случай, на мой взгляд, является переходом на новый уровень общения исследователя и информанта. Привычная до этого момента модель взаимоотношений, при которой я приходил к Шодмону, чтобы задать вопросы, а он ждал меня, чтобы на эти вопросы отвечать, утратила актуальность. Столкнувшись с разрывом повседневности, так называемым черным лебедем² (Талеб 2018), мы по-новому стали смотреть друг на друга. Для Шодмона я стал тем человеком, который не только задает вопросы, но и оказывает помощь. Это подтвердилось в наших последующих встречах, которые составили с января по март 2019 года около 50 часов включенного наблюдения. Как и для Азиза, для Шодмона я стал «другом», «братом», который его понимает и помогает, в обмен на это он делился со мной весьма интимными сторонами своей жизни.

В первой версии данной работы я попытался интегрировать в текст те личные переживания, которыми поделился со мной Шодмон. Предварительно я не брал у него письменного информированного согласия на публикацию материалов нашей работы. Существовала лишь устная договоренность о том, что, изменив его имя, я раскрою подробности его жизни в тексте. Однако впоследствии мне понадобилось письменное согласие, которое серьезно изменило отношение участника исследования к возможности такой публикации. К сожалению, мне так и не удалось выяснить, с чем это было связано: со страхом перед бумажным информированным согласием (такое уже наблюдалось в описанной мной выше ситуации, связанной с новым договором аренды, который Шодмону необходимо было заполнить), с плохим знанием русского языка (хотя я максимально подробно попытался объяснить свои намерения) или с тем и другим одновременно?

Пережитый опыт позволил мне по-новому взглянуть на информированное согласие. Безусловно, само согласие на проведение интервью знаменует собой существование негласного социального договора, в рамках которого участники соглашаются отвечать на вопросы правдиво, соглашаются с тем, что эта информация будет обработана и, возможно, опубликована (Kirsch 2005). Однако то, как будет обработана информация, где она будет опубликована, что может случиться в результате публикации этой информации, крайне редко рассказывается ответственными социальными исследователями тем, с кем они работают. Западные

² Непредсказуемое событие, кардинально трансформирующее жизнь.

коллеги, уделяющие огромное внимание этическим проблемам, давно обращаются к вопросу качества добровольного информированного согласия. К сожалению, в нашей стране проведение качественного исследования может вызвать недоумение у тех, на кого оно направлено. Существует большой разрыв между наукой с применением качественной методологии и обывательским представлением о науке: зачем исследователь что-то узнает? разве это наука? вдруг это негативно отразится на мне? Страх перед необъяснимым (исследователю зачастую действительно трудно объяснить, для чего это нужно) ведет к отказу.

Вопрос информированного согласия именно мигрантов в России осложняется и тем, что эта группа населения в целом старается иметь как можно меньше дел, связанных с «бумагами». Эта деятельность, как показывают результаты нашей полевой работы, отдается на откуп посредникам, делегируется родственникам и т. д. Однако если письменное информированное согласие покажется кому-то моей несуществимой фантазией, то долгосрочное устное оповещение участника исследования позволит, как мне видится, возвращать мигранта в плоскость исследования. Систематическое (а не разовое) напоминание о том, что возможна публикация сказанного, обозначает границы, запускает механизм рефлексии участника исследования. Это, например, может позволить в какой-то момент отказаться от участия в исследовании.

Рефлексия по поводу полевого опыта актуализирует не только вопросы, связанные с информированным согласием. Важным и относительно новым сюжетом, на мой взгляд, является перемещение исследовательского поля в социальные сети. Современная отечественная антропология почти полностью исключает возможность длительного этнографического стационара. Однако виртуальное пространство позволяет включенно наблюдать за совершенно разными сторонами жизни информантов на протяжении значительного временного промежутка. Помимо этого, социальные сети позволяют обзавестись формальным статусом «друга» интересующих нас людей, что, возможно, облегчает жизнь исследователю при вхождении в поле. Как я писал ранее, в случае с Азизом социальные сети помогли мне перестать чувствовать себя «должником». Таким образом, этот исследовательский ресурс благоприятно работает и на выходе из поля (стоит помнить, впрочем, что это лишь случай отдельно взятого антрополога). Однако здесь есть и обратная сторона: установление границ в виртуальном пространстве. Социальные сети позволяют наблюдать не только исследователю за информантом, но и информанту за исследователем. Это порождает новые этические противоречия: каковы границы дружбы онлайн? готовы ли мы давать информантам полный доступ к своим записям (с возможностью комментирования и т. п.)? насколько виртуальное пространство является личным? насколько в целом этично «дружить» с информантами в социальных сетях? У меня нет готовых ответов на эти вопросы, однако рефлексия по этому поводу безусловно необходима.

На мой взгляд, эти заметки, сосредоточенные на вопросах этики в миграционных исследованиях, в очередной раз доказывают, что трудовые мигранты в России – весьма уязвимая группа населения. Это обуславливает детальную проработку исследовательской стратегии при входе в поле, работе и выходе из поля.

В противном случае качественное исследование трудовых мигрантов может привести к тому, что поле после нас будет закрыто для других исследователей. Цель данных заметок во многом схожа с целью ныне действующего Кодекса этики Американской антропологической ассоциации и сводится к тому, чтобы способствовать дискуссии в области этических вопросов в антропологии, потому что исследователи часто оказываются в сложных ситуациях и под действием более чем одного этического стандарта. В связи с этим важным компонентом нашей работы является обсуждение существующих этических противоречий с коллегами, ответственностью и самими мигрантами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашин, Сергей. 2006. «Форум: Этические проблемы полевых исследований». *Антропологический форум* 5:10–15.
- Арзютов, Дмитрий. 2006. «Форум: Этические проблемы полевых исследований». *Антропологический форум* 5:15–18.
- Вахтин, Николай. 2002. «Несколько замечаний об этике полевых исследований на крайнем Севере России» С. 316–328 в *Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии*, под ред. Натальи Новиковой и Валерия Тишкова. М.: Стратегия.
- Воронков, Виктор и Елена Чикадзе, ред. 2009. *Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле*. СПб.: Алетейя.
- Деминцева, Екатерина и Вера Пешкова. 2014. «Мигранты из Средней Азии в Москве». *Демоскоп Weekly*, № 597–598, 5–18 мая. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>.
- Зависка, Джейн. 2006. «Этика полевой работы в этнографии». *Антропологический форум* 5:169–193.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2014. «Феминистские рефлексии о полевом исследовании». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 6(1):84–112.
- Ломакин, Илья. 2017. «Выйти из тени: заметки с Форума полевых интервьюеров». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 5:354–360. doi:10.14515/monitoring.2017.5.20.
- Слезкин, Юрий. 2008. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. М.: Новое литературное обозрение.
- Талёб, Нассим Николас. 2018. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. М.: Колибри, Азбука-Аттикус.
- «Форум: Этические проблемы полевых исследований». 2006. *Антропологический форум* 5:6–166.
- Функ, Дмитрий. 1992. *Техника плетения из кожи у телеутов*. СПб.: Б.и.
- Шеффель, Давид. 1993. «Антропология и этика в Восточной Европе». *Этнографическое обозрение* 6:21–28.
- Clifford, James. 1986. "On Ethnographic Allegory." Pp. 98–121 in *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, ed. by James Clifford and George E. Marcus. Berkeley: University of California Press.
- Clifford, James, and George E. Marcus, eds. 1986. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press.
- Hill, Carole E. 2000. "Strategic Issues for Rebuilding a Theory and Practice Synthesis." Pp. 1–16 in *The Unity of the Theory and Practice in Anthropology: Rebuilding a Fractured Synthesis*, ed. by Carole E. Hill and Marietta L. Baba. Washington, DC: American Anthropological Association.
- Jackson, John L. 2010. "On Ethnographic Sincerity." *Current Anthropology* 51(S2):S279–S287.
- Kirsch, Gesa E. 2005. "Friendship, Friendliness, and Feminist Fieldwork." *Signs* 30(4):2163–2172.
- McCormick, Melinda. 2012. "Feminist Research Ethics, Informed Consent, and Potential Harms." *The Hilltop Review* 6(1):23–33.

- Price, David. 2000. "Anthropologists as Spies: Collaboration Occurred in the Past, and There's No Professional Bar to It Today." *The Nation*, November 2. <https://www.thenation.com/article/archive/anthropologists-spies>.
- Sampson, Helen, Michael Bloor, and Ben Fincham. 2008. "A Price Worth Paying? Considering the 'Cost' of Reflexive Research Methods and the Influence of the Feminist Ways of 'Doing.'" *Sociology* 42(5):919–934.

REFLECTIONS ON THE POINT OF NO RETURN: PARTICIPANT OBSERVATION AS AN "ANTIMETHOD" IN THE STUDY OF A MIGRANT COMMUNITY

Anton Sadyrin

*Anton Sadyrin, Faculty of Historical and Political Studies, Tomsk State University.
Address for correspondence: Tomsk State University, pr. Lenina, 36, Tomsk, 634050,
Russia. sadyrin.1994@mail.ru.*

*The research was supported by the grant from the Russian Science Foundation No.
18-18-00293.*

Ethical issues in anthropology have been a key concern for a long time. However, approaches to professional and, specifically, research ethics in Russia and the West differ dramatically. There are no Code of Ethics and ethics committees or review boards in Russia. Meanwhile, in the West researchers constantly reflect on and discuss issues of research ethics; one of such issues is about relationship boundaries and friendships between researchers and their informants. In these field notes I examine how the method of participant observation shapes the relationship between the anthropologist and the people they study. Is there "soft" field research, or does participant observation by definition result in a harsh penetration into informants' lives? My participation in the project "The Use and Creation by Migrants of the Urban Infrastructure of Siberian Regional Capitals" allowed me to take a fresh look at the role of the researcher in the process of studying labor migrants.

Participant observation as a research method destroys the initial researcher-subject dichotomy. On the one hand, this is this method's main advantage. On the other hand, this can lead to an ethical impasse for the researcher. In addition to social and economic insecurities, migrants experience hardships caused by leaving their home—not just their home country, but also familiar everyday life: people, places, things, feelings. They look for ways to find emotional substitutions in their relationship with the researcher—me in this case, calling me "friend" and "brother" and sharing with me intimate information that is beyond the scope of my research topic.

Keywords: Migration; Migrants; Ethics of Anthropological Research; Participant Observation; Labor Migrants